

16.2.95.

Касрашвили Маквала

драматического таланта.

— А имена молодых певцов России, которые внушают вам надежды.

— К сожалению, певцы эти, живя формально в России, давно на Западе. Солистка Мариинского театра, обладательница чудесного мецо-сопрано Ольга Бородина. Я пела с ней и она покорила меня. Елена Заремба, тоже мецо. Дмитрий Хворостовский. Конечно же, Владимир Чернов. Что касает-

— Спасибо, это мне комплимент. Но я действительно волнуюсь. Когда была моложе, волновалась меньше. С возрастом обостряется чувство ответственности, связанное с самолюбием, быть может, стремлением не растерять то, что накоплено, и добиться еще большего. Спросите любого артиста — волнуются все. Перед выходом на сцену подступают и сомнения и тревога — а вдруг что-то не получит-

Певцами становятся или рождаются? Вопрос этот может показаться надуманным. Однако по отношению к Маквале Касрашвили, ведущей солистке Большого театра, Народной артистке СССР и Грузии, звезде мирового вокального искусства, ответ скорее всего будет «рождаются».

— Маквала, вы обладаете великолепным бельканто, что в переводе на русский означает прекрасное пение. Вы учились в Италии?

— Увы, не училась.

— Когда вы начали петь?

— С тех пор, как помню себя. У нас в Грузии поют все — от мала до велика. Пела грузинские песни моя мама. Подхватывала их и я. По радио прислушивалась к грузинским операм, ловила классическую музыку, казавшуюся мне волшебной. Наслаждалась «Золушкой» Россини с Зарой Долухановой. Влюбилась в эту оперу и в этот чарующий голос. Старалась ему подражать. В одиннадцать лет уже пела оперные арии и классические романсы. В тринадцать — посоветовали учиться всерьез. Было это для меня полной неожиданностью, потому что мне и присниться не могло, что стану профессиональной певицей. Просто нравилось петь. В сентябре, когда приемные экзамены уже закончились, мама повела меня в музыкальное училище. Меня — девочку с косичкой и бантиком — приняли сразу же на вокальное отделение. Прихожу в первый раз к педагогу. У дверей класса в ожидании урока стоят взрослые ребята. Спрашивают: «Девочка, ты не ошиблась? Это ведь вокальное отделение!». Когда начала учиться, профессионалы говорили, что у меня голос поставлен от природы.

— Другими словами — от матери...

— Да, ее голос отличался особой прелестью и силой. От нее я переняла тембр и окраску звука. Но когда я распевалась, она повторяла вслед за мной. Так мама, первая моя учительница, и я, ее очарованная ученица, менялись ролями. Потом продолжила учение в Тбилисской консерватории у знаменитой Веры Давыдовой, певицы Большого театра. На пятом курсе меня услышал директор оперной труппы Большого театра Анатолий Орфенов. Выдержав спецконкурс, еще студенткой стала солисткой Большого. Дебютировала в ролях Графини в «Свадьбе Фигаро», Микаэлы в «Кармен», Татьяны в «Евгении Онегине».

— Кто из музыкантов оказал на вас наибольшее влияние?

— После окончания консерватории певцу нужны «глаз» и критическое «ухо» со стороны. Ими на долгие годы (и по сей день) стала для меня опытный концертмейстер Большого театра, пианистка Лия Могилевская. С ней были подготовлены все партии моего оперного репертуара. Работала с замечательными дирижерами — Борисом Хайкиным, Одиссеем Димитриди, Геннадием Рождественским, Мстиславом Ростроповичем, Фуатом Мансуровым, Евгением Светлановым, Александром Лазаревым.

— А из мастеров вокального искусства?

— Живым примером для меня были Галина Вишневская, Ирина Архипова, Тамара Милашкина, Елена Образцова. В 60-е годы появились записи Ренаты Тебальди и Марии Каллас. Слушала их с упоением. Позже испытала воздействие удивительной Монсерат Кабалье. Не могу не вспомнить моих партнеров по совместным выступлениям в Ковент Гардене, Метрополитен опера, Арена ди Верона, на других сценах мира. Это — Руджиеро Раймонди, Кирите Канава, Лучано Паваротти. Да только ли они...

— И все же: какое из названных имен вам ближе всего?

— Мария Каллас. В ее голосе — все чувства, все подчас неуловимые грани и оттенки души, переполненные страданиями и восторгом, скорбью и ликованием. Можно на сцене не видеть ее, только слышать, но ее пение неизбежно создаст в вашем воображении ярчайший образ ее героини. Невероятно! В искусстве Каллас сочетаются великий дар певицы и мощь

Прекрасное пение

ся начинающих, то я мало их знаю. Правда, слышала по телевидению счастливую обладательницу Гран при на X конкурсе Чайковского Хиблу Герзмава. Думаю, у нее большое будущее.

— Когда вы впервые пели с великими мира сего, какие чувства владели вами?

— Естественно, волнение. Но оно присутствует всегда. Мой дебют на сцене Метрополитен-опера состоялся в 1979 году. Пела в «Евгении Онегине» вместе с Юрием Мазурком. Нашими партнерами были неподражаемый Николай Гедда и прославленные американские солисты. Я оказалась во власти сложных чувств: перепелелись эмоциональный подъем, ответственность, радость. Такая была атмосфера. Дружественная. Сердечная. Непринужденная. С кем бы вы ни общались — с Паваротти, Доминго, вы — равный среди равных. Это я поняла с первого приезда на Запад и убеждаюсь в том каждый раз. И дирижер, перед спектаклем непременно зайдет в артистическую поздравиться, пожелать успеха, после спектакля — поздравить.

— Вы сказали, что волнуетесь. Глядя на вас из зала, того не заподозришь.

— Спасибо, это мне комплимент. Но я действительно волнуюсь. Когда была моложе, волновалась меньше. С возрастом обостряется чувство ответственности, связанное с самолюбием, быть может, стремлением не растерять то, что накоплено, и добиться еще большего. Спросите любого артиста — волнуются все. Перед выходом на сцену подступают и сомнения и тревога — а вдруг что-то не получит-

— Что вы думаете о публике — ведь артист зависит от нее. Как и публика от артиста.

— Люблю свою — российскую публику. Очень строгая и квалифицированная. Особенно в Большом зале консерватории. В Большом театре есть меломаны, которые годами регулярно посещают все наши спектакли. Галина Вишневская как-то сказала мне, что невозможно петь для всех, потому что 99 процентов зрителей Большого — случайные. Но нужно помнить, что в зале сидит человек, способный понять, оценить твоё искусство. Когда в Большом пели Лемешев, Козловский, Пирогов, Максакова, Давыдова, публика была другая. Не было телевидения с его дурными вкусами, безобразной эстрадной музыки, которой с утра до глубокой ночи оглушают вас. Когда я уже пела в Большом, его заполнили туристы, командировочные, просто приезжие. Они приходят в театр не из любви к опере, а чтобы поглазеть на убранство зала, люстру, потоптаться в буфете. Это сказывается

и на восприятии спектаклей. А они бывали потрясающие. Если бы шли на Западе, скажем, в Ла Скала, там овации взорвали бы зал. Здесь — вежливые аплодисменты. Компетентная публика в американской Метрополитен опера, английская — чопорная, делает вид, что состоит сплошь из знатоков, итальянская — может и освистать, и на руках носить. В Японии слушатели исключительно доброжелательные, все приветствуют и всему радуются.

— В каких спектаклях Большого театра вы сейчас заняты?

— В этом сезоне принимала участие только в четырех. При двух названиях — в «Пиковой даме» и «Сельской чести». Репертуарную политику, к сожалению, определяет не артистический состав, а постановочная часть, оправдывая устарелость репертуара трудностями, связанными с переменной и перестановкой декораций. Смешно. И больно. А театр тем временем годами и десятилетиями стоит на месте. Репертуара нет. Конечно, хорошо, что идут «Иоланта» Чайковского и «Каменный гость» Даргомыжского, а также новые постановки — «Алеко» и «Скупой рыцарь» Рахманинова, «Князь Игорь» Бородина. Но должны быть и другие спектакли, не теряющие своей прелесть, в которых заняты наши ведущие певцы. Я в том числе. Например, «Тоска» или вердиевский «Бал-маскарад».

— Известно, что потенциал оперной труппы зависит и от материально-технической базы театра. Несовершенство ее подтверждают несчастные случаи с артистами, в частности, с вами.

— Увы, в 93-м я участвовала в премьерном спектакле — «Орлеанской девы» Чайковского. В финале оперы, в сцене казни, Иоанну, которую я пела, поднимают на площадке к месту сожжения. По нерадивости технического персонала площадка оказалась незакрепленной и я, с руками, зажатыми в колоды, рухнула вниз с высоты третьего этажа. Когда падала, в сознании пронеслось молнией — конец. Другого исхода быть не могло. Потом врачи говорили, что спаслась я чудом. Отделавшись тяжелейшим, правда, переломом правой руки. Пережив этот ужас, в «Орлеанской деве» петь больше не могу.

— Живя в Москве, поддерживаете ли вы связи с грузинскими театрами, переживающими сейчас нелегкие времена?

— Насколько это в моих силах. Ездил с труппой тбилисского оперного театра на Мальту — с гастрольями. Спела в двух спектаклях Тоску. Вы же знаете, какая ситуация в Грузии. В Тбилиси не было ни света, ни отопления, ни горячей воды. Певцы и музыканты не могли ни репетировать, ни тем более давать спектакли. Эти гастроли поддержали их морально и материально. Об интеллигенции говорить спокойно не могу. Она голодает. В Грузии не осталось ничего от ее бывшего гостеприимства, хлебосолюства, бесценного дара радоваться жизни. Если туда поедете, вы не узнаете людей на улицах. В Тбилиси живет моя сестра. В месяц она зарабатывает сто тысяч купонов. Это меньше, тысячи российских рублей. При фантастических ценах. Скажем, авиабилет до Москвы стоит сто шестьдесят тысяч рублей. Вернее — стоил. Цены растут каждый день.

— Кому в семье вы могли бы передать свою душевную и творческую устремленность?

— Детей у меня нет. Но есть племянники, которых воспитываю. Один из них женат. Родился внук. Неважно, в какой области им придется работать. Важно, чтобы они были порядочными людьми.

— Как вы проводите свободное время?

— Иногда гуляю с собачкой у Патриарших прудов, где бродят тени булгаковских героев. Иногда возжу машину. Люблю ездить просто так. Это успокаивает.

Беседовал
Герард КИМЕКЛИС.